

И. КЛЕЙН

МУДРОСТЬ ГОРАЦИЯ
И АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЙ ПРИНЦИП
В ЛИРИКЕ Державина

(Стихотворение «На умеренность»)*

Светлой памяти
Якова Карловича Грота

Стихотворение Державина «На умеренность»¹ представляет собой лирическую медитацию о житейской мудрости на основе 10-й оды II книги Горация «Rectius vives, Licini» («Правильнее будешь жить, Лициний»)². Следуя горацианскому идеалу *aurea mediocritas*,

* При переводе этой работы мне помогала И. Паперно; В. М. Живову я благодарен за консультацию.

¹ Текст см.: *Державин Г. Р. Сочинения. С объяснительными примечаниями Я. Грота. Т. I. СПб., 1868* (второе издание). С. 349—352. Это издание цитируется в дальнейшем с указанием на том и страницу. Стихотворение было написано в 1792 г., но вышло из печати только в 1798 г.

² На тему «Державин и Гораций» см.: *Линчук А. Л. Гораций в творчестве Г. Р. Державина // Учен. зап. Томского гос. ун-та. 1955. № 24. С. 71—86; Занадков А. Мастерство Державина. М., 1958. С. 156—168; Busch W. Horaz in Rußland. Studien und Materialien. München, 1964. S. 70—86; Савельева Л. И. Античность в русской поэзии конца XVII—начала XVIII в. Казань, 1980. С. 16—25; Морозова Г. В. Г. Р. Державин и А. Котельницкий. Из истории державинских переводов (по архивным материалам) // Проблемы поэтики. Алма-Ата, 1980. С. 185—196; Морозова Г. В. Метрические эксперименты Г. Р. Державина в переводах Горация // Творчество Г. Р. Державина. Специфика. Традиции. Тамбов, 1993. С. 134—138; Мальчукова Т. Г., Кислова М. М. Гораций у Державина // Гораций в избранных текстах и переводах. Материалы и исследования по истории поэтического перевода. Петрозаводск, 1995. С. 72—74 (эта работа мне осталась недоступной); *Byrd Ch. Thunder Imagery and the Turn against Horace in Derzhavin's «Evgeniyu. Zhizn' Zvanskaya» (1807) // Russian Literature and the Classics / Ed. by P. I. Barta, D. H. J. Larmour, P. A. Miller. Amsterdam, 1996. P. 13—34; Левицкий А. Державин, Гораций, Бродский (тема «бессмертия») // XVIII век. СПб., 1999.**

Державин здесь говорит о «средней стезе» и проповедует принцип стоического равнодушия, которого нужно придерживаться во всех жизненных ситуациях, в счастье и несчастье. Кроме того, он обязан Горацию целым рядом поэтических образов. Все это свидетельствует о том, что Державин видит в Горации прежде всего красноречивого глашатая учения о правильной жизни. С точки зрения XVIII в., это учение в духе европейского Просвещения было привлекательно тем, что оно ориентировалось в первую очередь не на религиозные, а на светские представления, на идеал земного блаженства и на правила практического разума.

«На умеренность» Державина и «Rectius vives, Licini» Горация: ассимиляция чужого

Державин владел из иностранных языков только немецким;³ Горация он читал с помощью русских⁴ или, может быть, немецких переводов, причем следует думать в первую очередь о знаменитых в свое время и прокомментированных для широкой публики переводах К. В. Рамлера (1725—1798),⁵ «немецкого Горация».⁶ К сожалению, неизвестно, какой именно перевод использовал Державин при написании стихотворения «На умеренность»⁷ (во всяком случае, это

Сб. 21. С. 260—267; Алексеева Н. Ю. Русская ода. Развитие одической формы в XVII—XVIII веках. СПб., 2005. С. 308—354 («Новая ода Державина»).

³ Ср.: Дмитриев И. И. Взгляд на мою жизнь // Дмитриев И. И. Сочинения. СПб., 1893. Т. 2. С. 43.

⁴ См. комментарий Грота (III, 76).

⁵ Там же (III, 36). На тему «Державин и Рамлер» см.: *Rosendahl G. Deutscher Einfluß auf Gavriil Romanovič Deržavin. Masch. Diss. Bonn, 1953. S. 58—62; Доценко И. И., Григорова Н. В.* Державин и русско-немецкий литературный диалог XVIII в. // Творчество Г. Р. Державина. Специфика. Традиции. С. 240—241. О Рамлере-переводчике Горация см.: *Leonhardt J. Ramlers Übersetzungen antiker Texte // Urbanität als Aufklärung. Karl Wilhelm Ramler und die Kultur des 18. Jahrhunderts / Hrsg. von L. Lütteken, U. Pott, K. Zelle. Göttingen, 2003. S. 331 ff.*

⁶ Так его называет Карамзин в «Письмах русского путешественника»: «Ныне был я у старика Рамлера, Немецкого Горация. Самый почтенный Немец! Ваши сочинения, сказал я ему, почитаются у нас классическими» (*Карамзин Н. М. Письма русского путешественника / Изд. подгот. Ю. М. Лотман, Н. А. Марченко, Б. А. Успенский. Л., 1984. С. 44.*)

⁷ См. другое мнение: *Морозова Г. В.* Метрические эксперименты. Исследовательнице удалось найти среди бумаг Державина рукописную тетрадь с 58 подстрочными переводами од Горация, сделанными А. Котельничким, молодым писателем недворянского происхождения, выпускником Московского университета. Котельничкий родился в Москве в 1770-е гг.; ср.: *Степанов В. П.* Котельничкий Александр Михайлович (?) // *Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 2 (К—П).* СПб., 1999. С. 135—137. Г. В. Морозова заключает на основе своей находки, что данная тетрадь «полностью снимает вопрос о посредниках, к чьей помощи должен был прибегать Державин, не

едва ли был перевод Рамлера, как явствует из сравнения русского с немецким текстом). Поэтому не всегда возможно установить, восходит ли тот или иной элемент русского текста к самому Державину или к неизвестному переводчику-посреднику.

Эта оговорка касается в первую очередь формальных аспектов данного стихотворения, т. е. стилистических деталей и стиховой структуры. К. В. Рамлер известен тем, что он первым в немецкой литературе переводил «Горация по возможности точно и следуя метрическому строю оригинала».⁸ На этом фоне бросается в глаза, что в тексте Державина не заметно ни малейшей попытки подражать версификации латинского оригинала. Стихотворение написано обыкновенным для русской поэзии XVIII в. четырехстопным ямбом и десятистрочной — «одической» — строфой, тогда как оригинал написан сапфической строфой, т. е. четырехстопником с укороченной четвертой строкой,⁹ хотя Державин прекрасно знал, «что древние писали стихи свои без рифм»,¹⁰ он (или анонимный переводчик-посредник) был не готов отказаться в данном случае от этого специфического признака поэзии Нового времени.

Подобная модернизация стиха соответствует общей практике русских поэтов-переводчиков XVIII—первой половины XIX в.,¹¹ стремившихся популяризировать Горация тем, что лишали его произведения элементов чужой культуры и приспособляли их к литературным навыкам своих читателей. Тому же служит склонность русифицировать отдельные мотивы чужого текста; это своего рода «склонение на наши нравы». Данная практика была распространена также у русских переводчиков Горация. Она встречается и у Державина: в стихотворении «На умеренность» отсутствует адресат Лици-

знавший латинского языка» (С. 135). Этому утверждению противоречит хронология. Тетрадь с переводами датирована 1801 г. (Там же); однако значительная часть державинских адаптаций и переводов Горация возникла в предшествующие десятилетия. Поэтому вопрос о переводчиках-посредниках этих лет остается открытым и в случае стихотворения «На умеренность». Возможное исключение представляет собой в этом отношении лишь восходящее к 13-й оде III книги Горация стихотворение «Ключ» (опубл. 1779), в котором Державин, может быть, опирался на перевод Рамлера; см.: *Rosendahl G. Deutscher Einfluß auf Gavriil Romanovič Deržavin; Доценко И. И., Григорова Н. В.* Державин и русско-немецкий литературный диалог XVIII в.

⁸ *Stemplinger E.* Das Fortleben der Horazischen Lyrik seit der Renaissance. Leipzig, 1906. S. 18.

⁹ Сапфическая строфа используется Державиным позднее, в стихотворении «Евгению. Жизнь Званская» (1807), которое представляет собой свободную вариацию на второй эпод Горация «Beatus ille...».

¹⁰ Ср. его письмо 1784 г. в редакцию журнала «Собеседник любителей российского слова», где Державин оговаривает тот факт, что он писал свою оду «На приобретение Крыма» белыми стихами, в чем он последовал примеру «новейших лучших авторов иностранных [т. е. немецких]». Поскольку это письмо отсутствует в «Сочинениях», я его цитирую по комментарию Грота (I, 129).

¹¹ Ср.: *Busch W.* Horaz in Rußland. S. 235—236 et pass.

ний, к которому обращается Гораций, и римский Юпитер уступает место славянскому Перуну.

Такой подход к классическим текстам стал проблематичным лишь в первые десятилетия XIX в., когда с возникновением исторического сознания русские авторы начали учитывать культурную специфику античной литературы и ощущать эстетическую прелесть чужого. Это новое отношение к классическому наследию заметно и у Державина, стремившегося в своих поздних переводах Горация 1810—1811 гг. воспроизводить не только бытовые и мифологические детали, но и версификацию латинских оригиналов.¹²

Расширение оригинала

Стихотворение «На умеренность» отличается от латинского оригинала не только версификацией и отдельными мотивами, но и объемом: оно более чем в три раза длиннее (110 vs. 32 стихов, 11 vs. 6 строф): не удовольствовавшись тематическим материалом Горация, Державин добавил много своего, тем самым пожертвовав как симметрической композицией оригинала, так и единством его интеллектуального замысла.

Так, в четвертой строфе державинского стихотворения утверждается наряду с эвдемоническим прагматизмом, характерным для учения Горация, и моральная установка, которая делается независимой от практических соображений, претендуя на абсолютную значимость. Речь идет о некоем гораццианском мудреце, который понимает («видит») неустойчивость Фортуны, проявляя трезвый взгляд на реальность и стоическое спокойствие души. Однако этот мудрец отличается одновременно и совсем другими качествами — он образцовый русский подданный, который чтит религию и уважает монархический принцип. В этом неожиданном повороте мысли, который плохо укладывается в идейное целое стихотворения, сказывается политическая злоба дня: Державин здесь полемизирует с пагубной «метафизикой» Французской революции:

IV. Он (гораццианский мудрец. — *И. К.*)
видит — и, душой мужаясь,
В несчастьи надежды полн;
Под счастьем же, не утомляясь,
В беспечный не вдастся сон;
Себя и ближняго покоя,
Чтит Бога, веру и царей;
Царств метафизикой не строя,
Сместся, зря на пузырей,

¹² См.: Морозова Г. В. Метрические эксперименты.

Летящих флотом к небу с грузом,
И вольным быть не мнит французом.

Отклонение от гораццианских принципов еще более заметно в следующей — пятой — строфе, где продолжается разговор о гораццианском мудреце. В своей полемике против «французов» Державин мог бы апеллировать к учению Горация о том, что человек должен мириться с окружающей его реальностью, отказываться от пустых мечтаний и «довольствоваться малым».¹³ Однако он пренебрегает этой возможностью, прибегая к иной аргументации: французские революционеры забыли об универсальном законе природы, заключающемся в том, что человек всегда подвержен власти «страстей»; по мнению Державина, этот закон несовместим не только с идеями «вольности» и равенства, но и с не менее утопической надеждой на «дни злата»:

V. Он ведает: доколе страсти
Волнуются в людских сердцах,
Нет вольности, нет равной части
Царю в венце, рабу в цепях;
Несет свое всяк в свете бремя,
Других всяк жертва и тиран;
Течет в свое природа стремя;
А сей закон коль ввек сй дан,
Коль ввек мы под страстями стенаем,
Каких же дней златых желаем?

Державин и Капнист: два разных подхода к Горацию

К русским приверженцам Горация принадлежал и Капнист. Подобно своему шурина и старшему другу Державину, он не владел латынью и поэтому мог читать Горация только с помощью подстрочных переводов, сделанных для него учеными приятелями;¹⁴ кроме того, он пользовался переводами французского издателя Горация

¹³ Ср. стихотворение Державина «О удовольствии» (1798), восходящее к 1-й оде III книги Горация. Это заглавие звучало бы на современном языке «О удовольствии малым» (II, 100). Ср. в этой связи также гораццианскую эпистолу «Капнисту» (1797), в которой поэт увещевает адресата следующими словами: «О! будь судьбе твоей послушным» (II, 68).

¹⁴ Ср. «Предисловие» Капниста к запланированному им собранию переводов од Горация (*Капнист В. В. Собр. соч.: В 2 т. М.; Л., 1960. Т. II. С. 39*). — О гораццианстве Капниста см.: *Веселовский В. В. Капнист и Гораций. (Эпизод из знакомства с классической литературой в конце XVIII, нач. XIX века) // Известия Отделения русского языка и словесности императорской Академии наук. 1911. Т. 15. С. 199—232; Blasberg A. Vasilij Vasil'evič Kapnist und seine Übertragungen von Gedichten des Horaz ins Russische. Rahden/Westf., 2007. S. 115—152 («Exkurs: Kapnists Verhältnis zu Deržavin»).*

Андре Дасье.¹⁵ Через десять лет после державинского стихотворения «На умеренность» Капнист в свою очередь написал стихотворение «Умеренность»,¹⁶ восходящее также к 10-й оде II книги Горация.

Подобно Державину Капнист использует в своей версии оды Горация рифмованный четырехстопный ямб, и он также прибегает к русификации известных нам уже мотивов — отсутствует имя Лициния и Юпитер заменяется Перуном. Тем не менее стихотворение Капниста значительно ближе к оригиналу, чем стихотворение Державина, что сказывается, например, в строфике: мы находим у него не восьмистрочник, а более похожий на сапфическую строфу Горация четырехстрочник. Различие обеих версий еще более заметно на уровне тематики: Капнист в этом отношении строго следует Горацию, он избегает всяких добавлений, сохраняя как композиционную симметрию, так и смысловое единство оригинала.

Эти расхождения указывают на принципиальное различие в подходе обоих поэтов к Горацию. Державин рассматривает латинский оригинал в первую очередь не как образцовое произведение античности, с которым необходимо познакомить русского читателя, а, скорее, как арсенал определенных идей и образов, которыми он пользуется в своих целях.¹⁷ Правда, Державин восхищался Горацием не менее Капниста;¹⁸ вспомним, что тот «совершенно особый путь», которым он пошел в конце 1770-х гг., как будто состоял в творческой переориентации с Ломоносова на Горация.¹⁹

Тем не менее Державин был в значительно меньшей степени, чем Капнист, готов подчиняться авторитету Горация. Мысли, мотивы и образы Горация встречаются у Державина на каждом шагу, но он переводил его далеко не так часто, как Капнист: Державин сделал

¹⁵ *Капнист В. В.* Собр. соч. Т. II. С. 48.

¹⁶ Там же. Т. I. С. 169—170 (текст), 726 (комментарий). Стихотворение датируется началом XIX в.

¹⁷ Ср. комментарий Грота, который, правда, несколько недооценивает значение переводов в горацианском творчестве Державина: «[О]н почти никогда не ставил себе целью подражание или перевод, а когда заимствовал у других поэтов, то обыкновенно с применением к избранному им самим сюжету, взятому из действительной жизни, и с подчинением чужаго своему» (II, 72; комментарий к дружескому посланию Капнисту, частично восходящему к 16-й оде II книги Горация).

¹⁸ См.: *Пинчук А. Л.* Гораций в творчестве Г. Р. Державина. С. 72. Подобно другим исследователям автор различает терминологически «переводы» и «переложения». Однако на практике не всегда легко определить, к какому из двух терминов следует прибегать в конкретном случае. Поэтому мне представляется более целесообразным избегать этой слишком четкой терминологической оппозиции и говорить лишь о более или менее свободных переводах.

¹⁹ VI, 431—432 (подстрочное примечание Грота, который цитирует фрагмент из одной тетради Державина 1805 г.); о реализации державинской программы см.: *Алексеева Н. Ю.* Русская ода. С. 308—354.

только 8 переводов²⁰ од Горация, а Капнист — 45.²¹ Эта диспропорция симптоматична: в отличие от Капниста Державин не видит себя «слабым подражателем Горацию»,²² и он не сомневается в своей способности представить читателям творения «отличного сего певца со всеми красотами их, силою, легкостью и живостью».²³ Можно было бы сказать, что Державин не хотел быть «русским Горацием», а только «Державиным».

Автобиографизм, сатирические аллюзии

Имея в виду специфику державинской рецепции Горация, один момент заслуживает особенного внимания. Как известно, Державин был тем поэтом, который ввел автобиографический принцип в русскую поэзию.²⁴ Этот принцип играет не менее значительную роль в поэзии Горация²⁵ и может поэтому считаться одним из главных элементов, объясняющих интерес Державина к поэзии Горация (другие точки соприкосновения — мотивы жизненной радости, идея высокой миссии поэта, склонность к автоиронии, культ дружбы и проч.²⁶). Как известно, Державин в своем автобиографическом стихотворении «Памятник» следовал 30-й оде III книги Горация «*Exegi monumentum...*», темой которой является собственное лицо автора и его претензия на вечную славу. Иначе обстоит дело в случае 10-й оды II книги «*Rectius vives, Licini*». В ней отсутствует автобиографический элемент, но тем более выразительно утверждается в державинской версии данного текста — в стихотворении «На умеренность».

Так же как в «Памятнике», лирический субъект этого стихотворения должен восприниматься не как абстрактная и заданная жанровой нормой инстанция, как в одах Ломоносова или элегиях Су-

²⁰ Ср.: Пинчук А. Л. Гораций в творчестве Г. Р. Державина. С. 85. Автор называет кроме шести близких к оригиналу «переводов» еще два «свободных стихотворных переложения».

²¹ Ср.: Blasberg A. Vasilij Vasil'evič Kapnist und seine Übertragungen. S. 379.

²² Ср. письмо Капниста от 26 марта 1822 г. А. А. Прокоповичу-Антонскому: Капнист В. В. Собр. соч. Т. II. С. 538.

²³ Там же. Т. II. С. 39 («Предисловие»).

²⁴ См.: Гуковский Г. Г. Р. Державин. Стихотворения. М., 1947. С. XXXIII и сл.

²⁵ Об «основном комплексе автобиографических мотивов» у Горация см.: Zinn E. Erlebnis und Dichtung bei Horaz // Wege zu Horaz / Hrsg. von H. Oppermann. Darmstadt, 1980 (zweite Auflage). S. 377. См. также: Perret J. Horace. Nouvelle édition. Mise à jour. Paris, 1959. P. 75—76. Автор считает, что главная литературная заслуга Горация заключается в том, что он осмелился интересоваться самим собой и что кажущаяся гетерогенность поэтического творчества Горация, в том числе и его од, находит свой центр именно в личности говорящего о самом себе поэта.

²⁶ Ср.: Пинчук А. Л. Гораций в творчестве Г. Р. Державина. С. 72.

марокова, а как собственное «я» эмпирического автора: Державин хочет, чтобы читатели поверили, что говорит в данном стихотворении именно он²⁷ (потому я в дальнейшем буду просто говорить «Державин» или «автор» вместо «лирический субъект»). Собственно автобиографический элемент заключается в том, что автор говорит о себе и своих жизненных обстоятельствах. В результате подобного самоизображения возникает своего рода автопортрет. При всей идеализированности этого автопортрета бросается в глаза его биографическая конкретность. Державин предстает здесь в двойной роли, характерной для его самопонимания вообще: с одной стороны, он поэт, поющий «среди Муз с Горацием», а с другой — высокопоставленный чиновник, причем из контекста стихотворения ясно, что речь идет о его службе в качестве статс-секретаря в кабинете императрицы, должность которого он занял 12 декабря 1791 г.

Впрочем, Державин говорит в своем стихотворении не только о себе, но и о других вельможах. Таким образом, его самоизображение вписывается в более широкий контекст петербургского придворного общества начала 1790-х гг. Данный контекст активизируется через целый ряд аллюзий. В этом заключается один из главных признаков, отличающих державинский текст от латинского оригинала. Стихотворение «*Rectius vives, Licini*» состоит в основном из ясно сформулированных сентенций о правильной жизни, что соответствует установке Горация на общедоступность поэтического языка.²⁸ Поучительные сентенции встречаются в немалом числе и у Державина, но его аллюзии понятны только для тех, кто был знаком с конкретными обстоятельствами его жизни и бытом петербургского двора.

Проблематика аллюзионного стиля не осталась скрытой для Державина, о чем свидетельствуют подробные комментарии, которыми он в старости снабдил свои стихотворения — сначала «Примечаниями на сочинения Державина» (1805), затем и «Объяснениями на сочинения Державина» (1809—1810); в обоих случаях автор говорит о себе в третьем лице. Оба текста в свою очередь содержат

²⁷ С этим связано то, какую важную роль играет категория «искренности» в творчестве Державина, в частности в его панэпиграмической поэзии. Значение этой категории особенно бросается в глаза на фоне художественного сознания Ломоносова или Сумарокова, где она отсутствует. У авторов русского классицизма лирическое выражение обязано своей психологической убедительностью не «искренности», т. е. не субъективной правдивости, а правдоподобию изображения, предметом которого является какое-то чувство: лирика здесь является своего рода *imitatio naturae*. Правдивость, на которую она претендует, носит универсальный характер, касаясь не индивидуального чувства самого поэта, а человека «как такового».

²⁸ См., например: *Syndikus H. P. Die horazische Ode // Syndikus H. P. Die Lyrik des Horaz. Eine Interpretation der Oden. Darmstadt, 1990 (dritte Auflage). Bd. I. S. 13.*

много автобиографического материала.²⁹ Державин добивается с их помощью возможно более широкой доступности своей поэзии, что и понятно для русского поэта XVIII в., стремившегося в духе го-рацианского *docere aut delectare* не только развлекать, но и поучать свою публику. Тем не менее Державин писал некоторые из своих стихотворений сначала только для узкого круга друзей и знакомых, как например дружеские послания «Храповицкому» (1793) или «Капнисту» (1797). Оба текста были распространены сначала только в списках, что было естественно для интимного жанра.

С значительным опозданием вышло из печати и стихотворение «На умеренность». Однако в данном случае это объясняется не жанром, а соображениями житейской осторожности: встречающиеся здесь аллюзии носят резко полемический характер — это сатирические выпады *ad hominem*. Понятно, что в случае печатной публикации автор должен был бы столкнуться с неприятностями. Такие неприятности действительно имели место, например в связи с одой «Фелица», которая также содержала, пусть в юмористически смягченной форме, сатирические нескромности, и поэтому в свое время не предназначалась автором для печати; см. «Объяснения» (III, 482—484).

Думается, что Державин предназначал и стихотворение «На умеренность» сначала только для узкого круга друзей и знакомых, если не для самого себя и для ящика письменного стола. С этой точки зрения, текст будет в дальнейшем интерпретирован в первую очередь в биографическом ключе. Данное стихотворение представляет собой попытку эмпирического автора справиться с помощью Горация с тем сложным положением, в котором он находился в начале 1790-х гг., когда служил статс-секретарем при императрице. Недостаток внутреннего единства, которым отличается поэтический результат этой попытки, был отмечен уже в связи с антиреволюционными мотивами первой половины стихотворения; он характеризует державинский текст и в целом. Таким образом, становится очевидным, что эстетическая обработка реальной жизни и, в частности, личной ситуации автора давалась ему нелегко. Пережитый опыт плохо поддавался художественному оформлению.

Державин и вельможи

Автобиографический импульс данного стихотворения особенно заметен в шестой строфе. Державин здесь уже не выражается сен-

²⁹ См.: *Фоменко И. Ю.* Автобиографическая проза Г. Р. Державина и проблема профессионализации русского писателя // XVIII век. Л., 1983. Сб. 14. С. 143—164. См. также: *Schmid U.* Ich-entwürfe. Russische Autobiographien zwischen Avvakum und Gercen. Zürich, 2003 (zweite Auflage). S. 155—185 («Der Autor der Zaren: Deržavins Selbstheroisierung»).

тенциями, как в предшествующих строфах, а говорит о самом себе и о некоторых из своих современников — вельможах. При этом он прибегает к уже упоминавшимся сатирическим аллюзиям, что сопровождается снижением стилового уровня за счет приближения к разговорному языку.

Знатные особы, к которым отсылают сатирические аллюзии Державина, нарушают этику Горация (и самого автора) своей неспособностью довольствоваться тем, что у них есть; в этом отношении они похожи на французских революционеров предшествующих строф. Побуждаемые желанием еще большего богатства, эти вельможи предпочитают гоняться «по льду на коньках» за ложными благами Фортуны. Лаконическая сентенция в начале данной строфы — «Всяк долгу раб» — несколько неожиданна. Она относится к предшествующей полемике против французских революционеров, причем под «долгом» подразумевается отказ верноподданного гражданина от политических «воздушных замков»³⁰ и его безоговорочное признание богоданного status quo абсолютистского государства. Последняя строка с агрессивной аллюзией на чье-то нечестное обращение с казенными деньгами является не менее неожиданной, чем лаконичная сентенция первой строки:

VI. Всяк долгу раб. — Я не мечтаю
На воздухе о городах;
Всем счастливых путей желаю
К Фортуне по льду на коньках.
Пускай Язон с Колхиды древней
Златое сбрил себе руно,
Крез завладел чужой деревней,
Марс откуп взял, — мне все равно,
Я не завидлив на богатство
И царских сумм на святотатство.

Из «Объяснений» Державина мы узнаем, кто именно скрывается за мифологическими персонажами этой строфы.³¹ Язон, который с «Колхиды древней / Златое сбрил себе руно» — это Г. А. Потемкин-Таврический, которого Державин упрекает в том, что тот злоупотреблял своим положением генерал-губернатора южных провинций для личного обогащения. Персонаж богача-грабителя Креза указывает на обер-прокурора А. Н. Зубова, отца Платона Зубова, последнего фаворита императрицы; в последних строфах стихотворения пойдет речь и о нем. Наконец, бог войны Марс отсылает не к одному, а к двум военачальникам — к князю Ю. В. Долгорукову

³⁰ Ср.: Примечания на сочинения Державина (продолжение) / Публ. и коммент. подгот. Е. Н. Кононко // Вопросы русской литературы. 1974. Вып. 1 (23). С. 85—86.

³¹ III, 509; см. также комментарий Грота — I, 353—354.

и графу Н. И. Салтыкову, которых сребролюбие довело до того, что они «содержали винные откупа [!]» (III, 509), что было, конечно, несовместимо с честью аристократа (в «Примечаниях» читаем, что оба вельможи занимались этим сомнительным делом «потаенно»³²). В последней строке речь снова идет о Потемкине, который в качестве начальника русских войск во время Второй турецкой войны якобы провинился халатным управлением государственными средствами. Однако это только версия «Объяснений» (III, 509); в самом стихотворении упрек в адрес Потемкина сформулирован резче — эпитет «святоотатственно» снова заключает в себе упрек в коррупции, осложненный религиозными коннотациями, в которых выражается представление Державина о государственной службе как священном долге.³³

Синкретизм ценностей

Вся эта полемика служит контрастным фоном для идеального образа самого автора. В противоположность порочным членам петербургской знати этот образцовый персонаж строго придерживается принципов горацанской этики: чуждаясь всякой жадности, он доволен своей судьбой, которая представляется ему в виде золотой середины между крайностями недостатка и излишества.

Разговор Державина о самом себе продолжается в седьмой строфе (о странном и как будто неуместном слове «пень» в восьмой строке еще пойдет речь):

VII. Когда Судьба качает в люльке,
Благословляю часть мою;
Нет дел, — играю на бирюльке,
Средь Муз с Горацием пою;
Но если б царь где добрый, редкой
Велел мне грамотки писать,
Я б душу не вертел рулеткой,
А стал бы пнем — и стал читать
Равно о людях, о болванах,
О добродетелях в карманах.

³² Примечания на сочинения Державина (продолжение). С. 86.

³³ Об отношении Державина к Потемкину см.: *Грот Я. Жизнь Державина*. М., 1997. С. 367 и сл. Однако остаются неясности. Державин написал свое стихотворение после того, как он начал службу в качестве статс-секретаря императрицы 12 декабря 1791 г., т. е. после смерти Потемкина, произошедшей 5 октября 1791 г. Беспощадная и нарушающая пиетет полемика Державина тем неожиданнее, что в его знаменитой оде «Водопад», написанной под впечатлением смерти Потемкина, покойный вельможа прославляется как крупный государственный деятель, критическое отношение автора к которому выражается не в самом стихотворении, а только в созданных позднее автокомментариях.

Выступая в двойной роли поэта и чиновника, Державин здесь подчеркивает, что занимается поэзией исключительно в свободное от службы время, что представляет собой развитие темы «долга». Эта типичная для самопонимания Державина апология направлена против упреков его бывшего начальника обер-прокурора А. А. Вяземского; подобный мотив встречается и в других стихотворениях Державина, например в оде «На Новый год» (1781).³⁴ Все это свидетельствует о том, что самоизображение Державина имеет помимо учения Горация еще другой идеологический источник — петровский этос честного чиновника. В дальнейшем мы увидим, что дело осложняется еще более тем, что в державинское представление об идеальном чиновнике входит кроме петровской нормативности еще один момент, который близок к гуманным идеалам европейского Просвещения, — представление о бесстрашной борьбе государственного деятеля за истину и справедливость.

Державин и императрица

Во второй половине процитированной седьмой строфы говорит уже не о свободном времени Державина, а о его службе. При этом поэт переходит от прямого способа выражения к гипотетическому, который продолжается в следующих строфах. Этот стиль объясняется соображениями тактичности: ведь за фиктивным царем, о котором здесь идет речь, скрывается реальный персонаж — Екатерина II, непосредственная начальница Державина по службе. Именно об этой службе здесь идет речь. Державин представляет себе, что на службе воображаемого «доброго, редкого» царя он бесстрашно отдавался бы своей любви к истине (вспомним стихотворение «К самому себе» 1798 г., где автор называет самого себя «в правде чёрт»). Однако в следующей — восьмой — строфе оказывается, что на этой службе не обходится без конфликтов:

VIII. А ежели б когда и скучно
Меня изволил он принять,
Любя его, я равнодушно
И горесть стал бы ощущать,
И шел к нему опять со вздором
Суда и милости просить.
Равно, когда б и светлым взором
Со мной он вздумал пошутить
И у меня просить прощенья:
Не заплясал бы с восхищенья.

³⁴ Другие примеры см.: *Фоменко И. Ю.* Автобиографическая проза Г. Р. Державина. С. 146 и сл.

Несмотря на нравственную стойкость, на которую претендует автор в этой строфе, нельзя не заметить биографически реальный субстрат личной обиды, конкретные обстоятельства которой нам известны из автокомментариев Державина. Как статс-секретарь императрицы он считал своим долгом докладывать ей и о таких делах, которые не были приятны и на которые она, будучи во время Второй турецкой войны занятой иными заботами, иногда реагировала с раздражением. В этой связи становится понятным загадочное слово «вздор», которое встречается в пятой строке процитированной строфы. Это отсылка к одному разговору, который имела Екатерина со своим вторым статс-секретарем А. В. Храповицким. В дневнике Храповицкого читаем, что она высказалась о Державине и его докладах следующими словами: «Он со всяким вздором ко мне лезет».³⁵

Все это проливает свет и на слово «пень» из восьмой строки предшествующей (седьмой) строфы: если гипотетический царь приказал бы ему, идеальному Державину, писать доклады («граммотки»), то он, Державин, не колебался бы докладывать ему также о неприятных вещах: «А стал бы пнем — и стал читать / Равно о людях, о болванах, / О добродетелях в карманах». По-видимому, и слово «пень» употребляется в качестве «чужого слова», т. е. отсылки к реальному (или возможному) замечанию императрицы о Державине и его «скучных» докладах. Можно парафразировать это слово как «упрямый человек» — инвектива, которая превращается Державиным в почетное звание стойкого и преданного своему делу чиновника.

Однако Державин говорит не только об обиде, но и о примирении — о воображаемой возможности, что царь просит «прощения» за свою капризность, что также соответствует реальному опыту (III, 510). Однако этот жест «доброты» царя представляет собой для Державина не только удовлетворение, но и своего рода испытание, которое он намерен выдержать по принципу «золотой середины» и стоической этики: перед лицом царской милости Державин не будет отдаваться бездумной эйфории и плясать «с восхищения», равно как и в случае царской немилости будет избегать и другой крайности — беспредельного уныния.

Горацианский идеал трезвой сдержанности получает дальнейшее развитие в следующей — девятой — строфе. Удивляясь «великодушию» царя не наивно, а «с рассуждением», Державин представляет себе, как он войдет в роль поэта, как сочинит в «жаре сердца» и «без притворства» — т. е. с панегирической «искренностью» — похвальную песню монарху. Главной темой воображаемой песни будут не

³⁵ Храповицкий А. В. Дневник <...> с 18 Января 1782 по 17 Сентября 1793 года / Публ. и коммент. Н. Барсукова. М., 1901 (записка от 2 марта 1792 г.); ср. комментарий Грота (I, 355).

такие второстепенные с точки зрения автора моменты, как военные успехи или щедрость монарха, а единственно его «добродетель», т. е. Державин санкционирует свою похвалу монарха апелляцией к моральным ценностям. Перед нами новый вариант державинской апологетики. Дело в том, что члены придворного общества нередко упрекали «певца Екатерины» в «лести», приписывая ему корыстолюбивые побуждения; см., например, стихотворение «Видение Мурзы» (1783), где Державин отвечает на подобные подозрения. Особенный интерес представляет в этом отношении его прозаический эскиз этого стихотворения, начинающийся со слов: «Льстецами я почитаю тех, которые...» (III, 487—491).

«Златые змеи»

В последних двух строфах стихотворения Державин возвращается к сентенциозному стилю первых строф, в результате чего возникает нечто вроде композиционного завершения целого. Однако при этом поэт снова не может удержаться от сатирических выпадов, обращенных против тех членов придворной знати, которые обязаны своим положением не личным заслугам (как сам Державин), но «шашням Фортуны». Этот мотив конкретизируется в «Объяснениях», где говорится не просто о «шашнях», а о «любовных шашнях» (III, 510), после чего упоминается имя Платона Зубова, ставшего первым вельможей петербургского двора не по гражданским или военным заслугам, а в качестве любовника стареющей императрицы.

Дальнейшая аллюзия относится к тому же Зубову, а именно к его детской привычке пускать змеев с башен царскосельского дворца, причем следует отметить, что речь идет не о бумажных, а о «златых» змеях. Таким образом, горацянское представление об изменчивости счастья и о ничтожестве «золотых» иллюзий находит поэтическое воплощение, которое своей выразительностью не уступает образному языку самого Горация; ср. в этой связи и четвертую строфу, где державинский мудрец «[с]меется, зря на пузырей / Летящих флотом к небу с грузом, / И вольным быть не мнит французом». Метафорику иллюзий находим и в шестой строфе, где поэт саркастически говорит: «Всем счастливых путей желаю / К Фортуне по льду на коньках». Приведенные примеры свидетельствуют о том, что Державин использует творчество Горация не только как «каменоломню» полезных для своей поэзии материалов, но что он местами также вступает с ним в художественное соревнование в духе классицистических принципов *imitatio* и *aemulatio*.

Гораций в русской литературе XVIII в.

(Экскурс)

Европейская слава Горация распространялась в течение двух тысячелетий, достигнув кульминации в «aetas horatiana» XVIII в.³⁶ В Германии расцвет горадианства кончился только в последней трети XVIII в., в эпоху увлечения классической Грецией, распространившегося в Европе под влиянием эпохальной книги И. И. Винкельмана об «Истории античного искусства» (опубл. 1764). В России знакомство с Горацием началось значительно позднее, чем в Европе, только в начале XVIII в.,³⁷ и оказалось далеко не столь широким и интенсивным. И в этом отношении заметно, что античная литература имела для русских авторов XVIII в. меньшее значение, чем литература Нового времени, прежде всего французская и немецкая, а в последней трети века и британская.

Первым крупным горадианцем русской литературы был Кантемир. Он переводил эпистолы Горация,³⁸ в его сатирах мы находим немало горадианских реминисценций, некоторые из которых оговариваются в авторских примечаниях; сатира VI «О истинном блаженстве» вся пронизана горадианской мудростью. Однако в качестве поэта, в творчестве которого Гораций играет значительную

³⁶ Pietsch W. J. Friedrich von Hagedorn und Horaz. Untersuchungen zur Horaz-Rezeption in der deutschen Literatur des 18. Jahrhunderts. Hildesheim; Zürich; New York, 1988. S. 7. См. также: Stemplinger E. Das Fortleben der Horazischen Lyrik. S. 157—174 («Horaz als Liebling»). Прокомментированный список немецких переводов Горация XVII—XVIII вв. см.: Degen J. F. Versuch einer vollständigen Literatur der deutschen Übersetzungen der Römer. Erste Abteilung. Hildesheim; Zürich; New York, 1997. S. 158—245 (репринтн. изд.: Альтенбург, 1794). О восприятии Горация в отдельных европейских странах см. сборник: Zeitgenosse Horaz. Der Dichter und seine Leser seit zwei Jahrtausenden / Hrsg. von H. Krasser, E. A. Schmidt. Tübingen, 1996.

³⁷ См.: Берков П. Н. Ранние русские переводчики Горация. К 2000-летию со дня рождения Горация // Известия АН СССР. Отделение общественных наук. 1935. № 10. С. 1039—1056; Николаев С. И. К предыстории Горация в России // Reflections on Russia in the Eighteenth Century / Hrsg. von J. Klein, S. Dixon, M. Fraanje. Köln; Weimar; Wien, 2001. S. 303—314. Кроме того, см.: Busch W. Horaz in Rußland; Морозова Г. В. Оды Горация в русских переложениях XVIII в. (Часть 1) // Жанр, стиль, метод. Сб. науч. тр. Алма-Ата, 1990. С. 56—61; Свиясов В. Античная поэзия в русских переводах XVIII—XX вв. Библиографический указатель. СПб., 1998. С. 275—303; Podossinov A. Russia // Orazio. Enciclopedia Oraziana. Roma, 1998. Т. III. P. 594—597. Существуют также другие исследования: Тетени М. Роль античной поэзии в русском литературном развитии XVIII века. К вопросу восприятия поэзии Горация // Hungaro-Slavica, 1978. VIII Междунар. съезд славистов. Загреб, 3—9 сентября 1978 г. Будапешт, 1978. С. 353—365; Ревелли Д. Гораций и русская литература XVIII—нач. XIX в. // ТОДРЛ. СПб., 1997. Т. 50. С. 698—707.

³⁸ См.: Веселовский А. А. Кантемир — переводчик Горация // Известия Отделения русского языка и словесности императорской Академии наук. 1914. Т. 19. Кн. 1. С. 242—254.

роль, Кантемир был исключением среди русских авторов своего времени (другие авторы первой половины века, в том числе Тредиаковский и Ломоносов, знали и переводили Горация, но горацянцами их все-таки не назовешь). О более широком восприятии Горация русскими поэтами можно говорить лишь в отношении конца XVIII—начала XIX в., причем приходят на ум в первую очередь Державин и Капнист; с 1800-х гг. заметно увеличивается число переводов из Горация.³⁹ Тем не менее в предисловии к запланированному им собранию собственных переводов од Горация Капнист еще в начале 1820-х гг. сетует на то, что русская литература «лишается весьма полезного способа к своему, наравне с прочими просвещенными европейскими народами, усовершенствованию по причине недостатка в хорошо переведенных древних образцовых писателях».⁴⁰

Причины сравнительно небольшого значения Горация для русской литературы XVIII в. следует искать прежде всего в системе школьного образования.⁴¹ Латынь широко преподавалась в Европе, Горация читали в школе; во Франции, Англии и Германии не было образованного человека, не владевшего латынью и не читавшего римских классиков. Иначе обстояло дело в России. Систематическое преподавание латыни здесь укоренилось лишь в XVIII в.,⁴² сначала в Московской Славяно-греко-латинской академии, затем и в многочисленных духовных семинариях, которые возникли в первой половине XVIII в. в других русских городах. Преподавалась латынь и в светских учебных заведениях, например в петербургской Академической гимназии, однако главную роль тут играли духовные училища.

Главными носителями классического образования так и оставались выпускники духовных училищ, т. е. преимущественно люди недворянского происхождения. Неудивительно поэтому, что, за исключением одного Кантемира, ранние русские переводчики Горация — Тредиаковский, Ломоносов, Поповский, Барков — «все сплошь принадлежат к „разночинцам“».⁴³ Получив образование

³⁹ См.: Морозова Г. В. Оды Горация. С. 57.

⁴⁰ Капнист В. В. Собр. соч. Т. II. С. 38.

⁴¹ См.: Menant C. Horace et les poètes français du XVIIIe siècle // *Zeitgenosse Horaz*. P. 222—223 («Horace au collège»); Pietsch W. J. Friedrich von Hagedorn und Horaz. S. 16 ff. Оба автора подчеркивают решающее значение школьного преподавания латыни для европейской рецепции Горация.

⁴² См.: Смирнов С. История Московской Славяно-греко-латинской академии. М., 1855. С. 78 и сл. О преподавании латыни в России XVIII в. см. также: Рождественский С. В. Очерки по истории систем народного просвещения в России в XVIII—XIX веках. СПб., 1912. Т. I; Kažoknieks M. Studien zur Rezeption der Antike bei russischen Dichtern zu Beginn des XIX. Jahrhunderts. Diss. Phil. München, 1968. S. 15—46; Кнабе Г. С. Русская античность. Содержание, роль и судьба античного наследия в культуре России. М., 1999; Фролов Э. Д. Русская наука об античности. СПб., 1999.

⁴³ Барков П. Н. Ранние русские переводчики Горация. С. 1055.

в Московской духовной академии, они читали Горация в оригинале. Дворянские же авторы, которые с середины XVIII в. задавали тон в русской литературе, преимущественно посещали светские школы, как например петербургский Кадетский корпус, а с 1755 г. и гимназию Московского университета. Хотя в обоих заведениях преподавалась и латынь,⁴⁴ владение этим языком было исключением среди дворян: латынь не входила в состав «дворянских наук».⁴⁵ В гимназии Московского университета изучали латынь прежде всего ученики недворянского происхождения, тогда как дворянские ученики предпочитали новые языки, в частности французский и немецкий.⁴⁶ Ситуация изменилась только в первые десятилетия XIX в., когда образовательная ценность классических языков начала находить внесословное признание.⁴⁷ Кантемир читал Горация в оригинале; дворянские авторы второй половины XVIII в. знали античные произведения только по переводам.⁴⁸ Поэтому значение Горация для русской литературы XVIII в. касается прежде всего тематики и поэтических образов, тогда как в Германии Гораций играл значительную роль и для обогащения стиха и развития поэтического языка.⁴⁹

⁴⁴ См.: Лузанов П. Сухопутный шляхетный кадетский корпус (ныне 1-й кадетский корпус) при графе Минихе. С 1732 по 1741 г. Исторический очерк. СПб., 1907. С. 88; *Рождественский С. В.* Очерки по истории систем народного просвещения. С. 220.

⁴⁵ Эта широко известная из фонвизинского «Недоросля» фраза фигурирует в одном письме 1757 г., президента Академии наук К. Г. Разумовского к академическому секретарю И.-Д. Шумахеру; здесь древние языки считаются не принадлежащими к «дворянским наукам». Ср.: Толстой Д. А. Академическая гимназия в XVIII столетии, по рукописным документам архива Академии наук. СПб., 1885. С. 24—25. (Приложение к тому LI Записок имп. Академии наук. № 2).

⁴⁶ См.: *Рождественский С. В.* Очерки по истории систем народного просвещения. С. 238. Исключением был в этом отношении Фонвизин. В своей автобиографии он с благодарностью вспоминает годы учения в гимназии Московского университета, где он изучал не только немецкий, но и латинский язык («Чистосердечное признание в делах моих и помышлениях». См.: *Фонвизин Д. И.* Собр. соч.: В 2 т. М.; Л., 1959. Т. II. С. 88). Тем не менее античная литература не играла никакой роли в его творчестве, если не считать его перевода первых трех страниц речи Цицерона «Pro Marcello», который он сделал в качестве экзаменационной работы для получения места переводчика в Коллегии иностранных дел; см.: *Strycek A.* La Russie des Lumières. Denis Fonvizine. Paris, 1976. S. 54.

⁴⁷ См.: *Kažoknieks M.* Studien zur Rezeption der Antike. S. 54—72.

⁴⁸ См.: *Busch W.* Horaz in Rußland. S. 50. Исключением является лишь М. Н. Муравьев, который сделал свои переводы од Горация на основе лаггинского оригинала (Там же. С. 106—110 («М. N. Murav'ev — ein Wegbereiter klassischer Bildung»)).

⁴⁹ См.: *Schmidt E. A.* Horaz und die Erneuerung der deutschen Lyrik im 18. Jahrhundert // *Zeitgenosse Horaz.* S. 255—310.